

ПОПУЛЯРИЗАТОРСКАЯ КРИТИКА КАК СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ТОЛСТОГО» ЖУРНАЛА

© 2008 О.Г. Шильникова

Волгоградский государственный университет

Типологическая идентификация популяризаторских критических материалов — одна из мало освещенных в литературоведении проблем. Зачастую работы подобного плана вообще не относят к собственно критическому творчеству либо считают не вполне полноценным суррогатным его вариантом. И потому они редко становятся объектом научного наблюдения и недостаточно учитываются в процессе изучения индивидуальных критических систем. В истории и теории критики подобный подход обусловлен и отчасти оправдан теми исследовательскими целями, которые являются приоритетными для данных научных дисциплин.

Однако нельзя забывать, что становление русской критики как уникального социокультурного феномена и обретение ею статуса отдельного вида профессиональных занятий было тесно связано с формированием в России массовой прессы и развитием СМИ как влиятельной информационно-коммуникативной силы общества. На это не раз обращали внимание историки литературы и журналистики — Г.Н. Пospelов, С.В. Брюховецкий, В.Н. Коновалов, Б.Ф. Егоров, Б.Г. Березина, А.И. Станько. Наша критика никогда не была каким-то обособленным и специфическим компонентом периодического издания. Она изначально представляла собою необходимую и органическую часть «толстого» журнала, потому что наравне с другими публикациями — беллетристикой, поэзией, публицистикой — участвовала в реализации его политики.

Функционирование в журнальном контексте вынуждало критику вырабатывать такие формы, которые, позволяя ей оставаться в собственных «родовых» границах, одновременно отвечали бы потребностям периодического издания как суверенного печатного органа, имеющего свое лицо и стремящегося воздействовать на публику в заданном направлении. Одной из журнальных модификаций литературной критики XIX в. является ее популяризаторский вариант.

По своему предмету (литературное произведение и его автор), целям (регулирование художественных информационных потоков и установление коммуникативных отношений «писатель — произведение — читатель — общество»), аудиторной составляющей (широкие читательские массы, а не узкий круг специалистов), основным приемам и направлениям деятельности (различные формы разбора, интерпретации и оценки художественных явлений), по типу мышления (логико-интеллектуальное постижение текста с опорой на эмоционально-чувственное интуитивное его восприятие) популяризаторская критика идентична литературной критике в общепринятом смысле данного термина.

Различия между этими явлениями наблюдаются на процессуальном уровне. Собственно критика формирует свой дискурс за счет творческого продуцирования оригинальной концепции художественности, вырабатывает новаторские идеи и подходы, предлагает новые трактовки произведений и литературного процесса.

Главный способ деятельности популяризатора — репродуктивный. Он не создает абсолютно нового знания, а занимается обобщением, систематизацией, адаптацией к запросам аудитории уже имеющихся сведений, в том числе переложением и анализом художественных текстов. Однако опирается при этом на уже сложившуюся систему аксиологических представлений об искусстве и оперирует готовой оценочной шкалой.

В то же время у популяризаторской модели есть особое назначение в архитектонике журнала, свой конкретный адресат и дополнительные задачи: распространять, делать достоянием широкой публики творчество того или иного автора, излагая свои суждения и оценки в доступной, ясной даже для неподготовленной аудитории форме, и, наконец, популяризировать, тиражировать художественные принципы своего печатного органа. В соответствии с этим происходит и ее функциональная перестройка.

Доминирующими становятся просветительская, рекламно-справочная и рекреативная функции. Традиционно важные для критики аналитико-оценочные обязанности отодвигаются на второй план, хотя и не исчезают вовсе.

Типологические черты популяризаторской критики отчетливо просматриваются в некрасовских «Отечественных записках», которые начиная с первых лет издания и до закрытия журнала регулярно печатали эти материалы. В роли авторов выступали как профессиональные литературные аналитики — М.К. Цебрикова, А.М. Скабичевский, так и журналисты, специализировавшиеся в других областях, — беллетристы П.Д. Боборыкин, А.М. Маркович, поэты, переводчики и публицисты П.И. Вейнберг, Н.С. Курочкин, А.Н. Плещеев. Несколько таких публикаций принадлежат М.Е.Салтыкову и Н.К.Михайловскому. Последний иногда и в своих оригинальных работах использовал популяризаторские приемы, к примеру подробный пересказ, чаще всего иронический или пародийный.

Устойчивый интерес «Отечественных записок» к популяризаторским критическим материалам был далеко не случаен. Они отвечали общей просветительской устремлённости этого издания, тем образовательно-дидактическим и пропагандистским целям, которые на протяжении почти четверти века были приоритетами для этого демократического журнала и которые векторно совпадали с общим ходом цивилизационного процесса в России последней трети XIX века.

М.Е.Салтыков, чье мнение в определении политики издания было весьма авторитетным, в ряде своих критических работ 60–70-х годов (Несколько слов о состоянии русской литературы вообще и беллетристики в особенности // Современник. 1863 № 12; Напрасные опасения // Отечественные записки. 1868. № 10; Уличная философия // Отечественные записки. 1869. № 6) сумел выявить объективные тенденции общекультурного развития России во второй половине XIX в. С одной стороны, он отмечал несомненно позитивный процесс расширения и демократизации читательской публики за счёт кардинальных изменений социально-экономического и общекультурного плана, вызванных реформой 1861 года и её последствиями. А с другой — не упускал случая указать на усиливавшуюся дифференциацию читательской массы. По его мнению, радикальные перемены, произошедшие прежде всего в материальной сфере, повлекли за собой резкие социальные сдвиги, более чёткое разграничение различных общественных групп, каждая из которых осознавала себя как достаточно обособленную, в том числе и духовном отношении, часть социума. Критик

констатировал, что значительная часть аудитории была представлена заурядной публикой — «простодушной» до наивности, нетребовательной и не слишком образованной. Однако и этих читателей редакция хотела бы иметь своими подписчиками и союзниками.

По аудиторной направленности популяризаторская критика была в первую очередь формой приобщения массовой публики к европейской литературе и культуре. Она предоставляла возможность подробно, а не в кратком рецензионном варианте знакомиться с произведениями и авторами, которые вследствие невысокого образовательного уровня читателей, в связи с отсутствием на книжном рынке или за неимением в России полных переводов собраний сочинений, были недоступны. Критерии, которыми руководствовалась редакция при отборе материалов, были четко сформулированы автором работы о Вольтере: «Несмотря на всю громадную славу имени Вольтера, несмотря на его всемирно историческое значение в деле развития мысли, несмотря на первостепенное влияние его необычного таланта на всю литературу прошедшего столетия... произведения Вольтера почти неизвестны в России. <...>. Весь Вольтер никогда не мог быть у нас переведен...» [5, 235]

Формируя читательские интересы массовой аудитории, редакция старалась не снижать заявленных в программных статьях высоких требований к литературе. Она не предлагала «приятное и образовательное чтение», которое «имеет свойство успокаивать читателя, или приводить его в сладостно-мягкое или бесконечно-весёлое настроение [3, 81]. Прежде всего «Отечественные записки» привлекали произведения, отличавшиеся «жизненной правдой и глубиной мысли» [1, 126], писатели с цельным ясным демократически ориентированным мировоззрением, энергично и смело восстававшие против всех проявлений рабства, угнетения личности и общественного зла. М.А. Маркович, разбирая и пересказывая книги Джоржа Саля, Августа Мегью, Джеймса Гридвуда, замечает, что они будут интересны тем читателям, «которые не боятся взглянуть прямо в лицо существующему злу, не бегут прочь при виде общественных язв» [3, 81].

Особое место на страницах журнала отводилось деятелям французского Просвещения и тем, кто в своем художественном творчестве развивал их традиции. В наследии просветителей редакция находила близкие для неё идеи: «XVIII век боролся за свободу мысли и против рутины, предания и фанатизма. Ничто не должно ускользнуть от критики, от свободного исследования, ничто не должно отзываться недоступностью разуму, ничто не должно быть принято на веру, — таков общий девиз

просветителей. <....> Дружная, горячая борьба на этом общем поле составляла великую заслугу XVIII века вообще и в частности Вольтера», — с пафосом писал Н.К. Михайловский, отзываясь в 1870 г. на выход в России романов и повестей «знаменитого философа» в переводе Н.Н. Дмитриева [4, 9]. И это была общая позиция редакции. К примеру, М.А. Цебрикова, переводя и комментируя историко-литературные лекции Г. Брандеса, ставит в заслугу датскому критику то, что он привнес в свою культуру, застывшую в протестантских идеях XVI века, «революционное движение французской мысли XVIII века» [10, 176].

Журналу оказались интересны и такие на первый взгляд далекие от современной российской жизни и мало известные фигуры, как английские романистки конца XVIII — начала XIX столетия. В их произведениях, которые оценивались прежде всего с точки зрения содержания, верности действительности и типичности художественных образов, критика «Отечественных записок» искала созвучные семидесятым годам обличительные мотивы и протестные настроения. Так, М.К. Цебрикова находила у Афры Бен «много энергии и смелости мысли», восстание «против бесчеловечного торга людьми» [8, 410]. Леди Морган представлялась как «красноречивая проповедница политической свободы, ... заклятый враг насилия и произвола». Все, что писалось ею, по мнению критика, было «проникнуто негодованием против реакции и глубоким сочувствием к народу», потому у нее «народные типы очерчены с замечательной силой и правдой» [8; 437, 435, 432]. Романы Ш. Бронте «Джейн Эйр» и «Шерли», хотя и не указывали выхода из тесных рамок традиционной морали, вызывали глубокое сочувствие, так как «в первый раз раздался в английской литературе голос за права женщины», в первый раз в лицо общества был брошен упрек за его равнодушие и эгоизм в отношении ее. Тайну громадного успеха писательницы М.К. Цебрикова видела в том, что «она была представительницей идей и стремлений массы общества» и «в ее романах общество почувствовало живую правду» [9; 132, 136, 140, 142].

Однако следует заметить, что при отборе материалов принципы «полезности» и соответствия направлению журнала всё-таки сочетались с критерием художественности. В целом публике рекомендовались такие далеко не второстепенные авторы, как Э. Роттердамский, Ж. Санд, В. Гюго, Ф. Фрейлиграт, Э. Золя, У. Диксон, Д. Элиот, Ш. Бронте, А. Мегью, Д. Гринвуд, Ф. Шпильгаген, А. Бейль, Б. Ауэрбах, Ф. Вольтер, П. Шелли, Ж. Ренан, Д. Байрон.

Второе направление популяризаторской деятельности «Отечественных записок» состояло в том, чтобы информировать публику о новостях

культурной жизни современной России, таких, как Пушкинский праздник 1880 г. или годовичные выставки в Академии художеств. Своим долгом журнал считал и отклик на уход из жизни известных русских литераторов — Д.И. Писарева, А.И. Левитова, В.А. Слепцова, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева О.А. Новодворского.

Популяризаторская критика — это типично журнальный вид материалов. Ее функционирование имело практический смысл только в системе СМИ. Она не требовала от автора слишком больших затрат времени и оттого могла быть мобильной и многословной, что помогало в случае необходимости оперативно заполнять журнальные площади. Яркий пример — серия из 9 обширных статей А.М. Скабичевского «Французские романтики», печатавшаяся в течение почти двух лет (1880—1881).

Критика помогала решать и организационные вопросы редакционной политики, в частности, по привлечению подписчиков. Журнал часто предварял публикацию художественных произведений того или другого автора биографическим либо историко-критическим очерком о нем, что воспринималось как своеобразная презентация писателя или его очередного романа. Так, в первом номере за 1874 год была напечатана статья А.Н. Плещеева о Стендале и его романе «Красное и черное» [6, 28-54]. В ней критик давал подробную характеристику взглядов и эстетических позиций Стендала, излагал историю его жизни. Затем разбирались брошюры, которые открыли во французской академии кампанию против классицизма — «Расин» и «Шекспир» (1823—1825 гг.). Много места в очерке отводилось рассказу о личности писателя. В соответствии с уже сложившейся к семидесятым годам структурой популяризаторских материалов, А.Н. Плещеев вводил в текст значительное количество документальных источников — «Воспоминания о лорде Байроне», письма Стендала к другу. Обзорно рассматривались и романы, но от общего объема статьи аналитический разбор занимал всего несколько страниц. Ведь уже в третьем номере за тот же год журнал начинает печатать «Красное и черное» в переводе самого А.Н. Плещеева.

Подобная тактика использовалась и в отношении известного в народнической среде немецкого романиста Ф. Шпильгагена, который привлекал редакцию демократической направленностью творчества. По мнению М.Е. Салтыкова, писатель являл собою образец «человека цельного, определившего свои отношения ко всем разнообразным стихиям, из которых в данную минуту складывается общественная и индивидуальная жизнь». Поэтому критик называл его «талантливейшим из современных беллетристов»,

сумевшим в романе «Один в поле не воин» создать положительный образ героя, представителя новых общественных и политических веяний в Германии второй половины XIX века.

Популяризаторская критика «Отечественных записок» играла свою роль в реализации концепции художественности, которую эксплицировал журнал. Как правило, популяризаторы не решали значительных эстетических и теоретико-литературных проблем, почти не вели открытой полемики с идейными оппонентами. Они не ставили перед собой задачи создать оригинальную и сколько-нибудь целостную собственную критическую программу. Их главная цель состояла в том, чтобы тиражировать художественные принципы издания, закреплять их в сознании читателей, утверждать в глазах общественного мнения те критерии оценки искусства, которые вырабатывались в программных статьях ведущих аналитиков, прежде всего М.Е. Салтыкова. Важно, что принципы анализа и оценочная шкала у журнальной критики разного функционального уровня были сходными. Это делало критический дискурс журнала более наглядным, весомым, доступным для восприятия.

Однако при таком подходе неизбежным становилось и некоторое спрямление исходных позиций, в результате чего яснее вырисовывались как сильные, так и слабые стороны базовой художественной доктрины издания. Так происходило, когда популяризаторы брали за основу своих оценок не целостную интегральную концепцию художественности М.Е. Салтыкова, а лишь отдельные ее элементы и абсолютизировали, к примеру, дидактические или просветительские функции искусства.

К примеру, в статье «Литературные профили XIX века» М.К. Цебрикова полностью разделяет мысли Г. Брандеса о том, что «цель литературы — не упоение эстетическими восторгами, но провозглашение идеалов» свободы, человечности, прогресса, помогающих обновить общество. Если же «литература не возбуждает никаких вопросов, то это — доказательство того, что она утрачивает всякое влияние [10; 179, 176].

П.И. Вейнберг, разбирая в 1882 году новую трагедию В. Гюго «Торквемада», явно опирается на салтыковский философско-эстетический и оценочно-прагматический дискурсы. М.Е. Салтыков, разъясняя в «Уличной философии» идею тенденциозности искусства, настаивал, что «писатель-беллетрист не может уклониться от необходимости относиться к действительности под определенным углом зрения», так как это непререкаемый объективный закон творчества. Однако критик не приемлет стремления во что бы то ни стало «поставить читателя на известную

точку зрения». Это ведет к несправедливому разделению героев на сочувствующих и не сочувствующих авторскому образу мыслей. «Отсюда — целые тирады, в которых авторы прямо от своего лица выражают известный взгляд на вещи, не стесняясь тем, что подобная догматика ... может серьезно повредить художественной стороне их произведений» [7, 131].

П.И. Вейнберг в своей работе выделяет тенденциозность в широком и узком значении слова. Тенденциозность в «обширном» — салтыковском — смысле он признает и считает, что в прежних трагедиях Гюго именно она помогала автору «держаться на высоте художественного творчества самым блистательным образом». Под вторым критик подразумевает создание произведений со специальной заранее заданной идеей. Крупные недостатки драмы Гюго как раз и порождены тем, что автор «имел в виду столько художественную, сколько — и, пожалуй, гораздо больше — чисто тенденциозную цель». Поэтому главный герой «только в одной-двух сценах представляется живым лицом; во всех же остальных — это ходячая идея, рифмованная диссертация, чему много помогает невероятное многословие действующих лиц.

Критик называет множество просчетов знаменитого писателя. Это неудачная фабула, фальшь в изображении характеров и ситуаций, резонерство персонажей и самого автора, отсутствие «психологического элемента» и композиционной логики, словом, преобладание «публициста Гюго, а не Гюго-художника» [2; 186, 184, 185]. Тем не менее, П.И. Вейнберг делает весьма показательную оговорку. Он готов простить «ущерб чисто художественному достоинству произведения», если бы писатель защищал какие-то важные и своевременные идеи. Тогда как позиция М.Е. Салтыкова всегда была более взвешенной. В работах разных лет он последовательно настаивал на специфике художественного отображения и «особом роде» воздействия искусства на читателей. Салтыковский тезис «литература и пропаганда — одно то же» в контексте «Уличной философии» означал лишь акцент на ответственности писателя перед обществом.

Популяризаторские материалы были представлены на страницах журнала в собственных жанровых формах. Назовем главные из них.

Чтобы познакомить публику с произведениями зарубежной литературы, чаще всего использовались статья-пересказ с большими цитатными фрагментами (Боборыкин П.Д. Девяносто третий год. Роман Виктора Гюго // 1874. № 3) и сокращенный перевод художественного произведения, где пересказ играет роль связки между отдельными частями текста (Плещеев А. Сокращенный

перевод романа Э. Золя «Завоевание Плассана» // 1874. №№ 7,8; «Брюхо Парижа» (*La ventre de Paris*) роман Эмиля Золя. 1873. <Предисловие и извлечение А.Н.Плещеева> // 1873. №№ 7,8).

Излюбленным жанром «Отечественных записок» был критико-биографический очерк и его варианты: «историко-литературный очерк» М.А. Скабичевского «Французские романтики» (1880–1881), «очерк деятельности» «Вольтер-человек и Вольтер-мыслитель», написанный Н.К. Михайловским (1870. №№ 9,10), плещеевский «очерк жизни и сочинений» Стендаля (1874. № 1).

Встречается на страницах журнала и адаптированная для массового читателя статья-перевод искусствоведческих и общезстетических работ зарубежных исследователей с комментариями и оценками переводчика, который может соглашаться или дискутировать с первоисточником (Цебрикова М.К. Литературные профили XIX века // 1877. №№ 10,12; <Вейнберг П.И.>. Миль и Ренан в характеристике Брандеса // Отечественные записки. 1882. №№ 2, 3; <Вейнберг П.И.>. Новости иностранной литературы. Прометей в поэзии // 1881. № 6).

Для освещения российских художественных событий избирались жанры, более близкие к собственно журналистским. Биографическая статья и некролог о писателе (<Курочкин Н.С.>. Некролог. Дмитрий Иванович Писарев // 1868. № 8; Скабичевский А.М. К биографии Некрасова // 1879. № 7; <Ясинский И.Н.>. Андрей Осипович Новодворский (Некролог) // 1882. № 4). Репортажные сообщения и заметки, письма о художественных событиях. К примеру, Пушкинский праздник 1880 года в «Письме из Москвы» Г.И. Успенского (1880. № 6), «Литературные заметки» Н.К. Михайловского о Пушкинской речи Достоевского (1880. № 9), сообщение о первой русской передвижной художественной выставке, составленное М.Е. Салтыковым (1871. № 12), отчеты П.М. Ковалевского о годовых выставках в Академии художеств (1868. № 10; 1869. № 10).

В работах популяризаторов преобладающими были репродуктивные способы знакомства аудитории с произведениями и писателями. Прежде всего разного вида пересказы — краткий, выборочный, подробный; цитация текста, достигающая порою нескольких страниц и перемежающаяся пересказом; извлечения из художественного текста, подобранные и скомпонованные по желанию самого критика; компиляция историко-литературных трудов. Анализ же либо сильно редуцировался, либо трансформировался в комментарии и пояснения, которые давались

героям, событиям, ситуациям. Характерным признаком популяризаторских текстов было наличие в них значительного количества исторических сведений, историко-литературных фактов, документальных и мемуарных источников, вводимых преимущественно в форме цитат.

Таким образом, у популяризаторских публикаций при наличии общих с критикой родовых свойств имелись также специфические задачи и направления деятельности, методы рассмотрения художественных явлений, свои жанровые формы и структурно-композиционные особенности, порожденные условиями именно журнального функционирования. Значит, правомерно выделить популяризаторские работы и как форму собственно критики, и как тип журнальных литературно-критических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнберг П.И. Новости французской беллетристики. (Два новых рассказа Эртмана-Шатриана) / П.И. Вейнберг // Отечественные записки. — 1869. — № 3.
2. <Вейнберг П.И.>. «Торквемада». Новая трагедия Виктора Гюго / <П.И. Вейнберг> // Отечественные записки. — 1882. — № 8. — Отд. II.
3. <Маркович М.А.>. Мрачные картины. Гл. I-III / <М.А. Маркович> // Отечественные записки. — 1868. — № 11. — Отд. II.
4. <Михайловский Н.К.>. Вольтер-человек, Вольтер-мыслитель. Романы и повести Ф. М. Вольтера. Перевод Н.Н. Дмитриева / <Н.К. Михайловский>. — СПб., 1870. — Статья первая // Отечественные записки. — 1870. — № 9. — Отд. II.
5. <Михайловский Н.К.?.>. Романы и повести Фр. М. Вольтера // Отечественные записки. — 1870. — № 6. — Отд. II.
6. Плещеев А.Н. Стендаль (Анри Бейль) и роман его «Красное и черное» / А.Н. Плещеев // Отечественные записки. — 1874. — № 1. — Отд. II.
7. <Салтыков-Щедрин М.Е.>. Указ. соч. С. 131. Уличная философия / <М.Е. Салтыков-Щедрин> // Отечественные записки. — № 6. — Отд. II. С.
8. Цебрикова М.К. Англичанки романистки. Гл. I-III / М.К. Цебрикова // Отечественные записки. — 1871. — № 8.
9. Цебрикова М.К. Англичанки романистки. Гл. IV-V / М.К. Цебрикова // Отечественные записки. — 1871. — № 9. — Отд. I. С.
10. Цебрикова М.К. Литературные профили XIX века / М.К. Цебрикова // Отечественные записки. — 1877. — № 10.